

**РАФАЭЛЬ
ГРУГМАН**

ЗАВЕЩАНИЕ МАЗЕПЫ,

КНЯЗЯ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Рафаэль Гругман

**Завещание Мазепы,
князя Священной
Римской империи,
открывшееся в Одессе
праправнуку Бонапарта**

Воинская казна Запорожской Сечи не найдена до сих пор. Её безуспешно пытались заполучить Петр I и Екатерина II. По одной версии казна запрятана в Батурино, столице гетмана Мазепы, по другой — в Ростове-на-Дону в подземельях армянского монастыря Сурб-Хач, по третьей — вывезена в Лондон полковником Полуботко и положена на хранение в Королевский банк, по четвертой — вместе с запорожцами, основавшими Задунайскую Сечь, оказалась за Дунаем и после ликвидации Задунайской Сечи вывезена казаками, не пожелавшими стать царскими поданными, в США для создания Миссурийской Сечи.

О поисках военной казны запорожцев рассказывается в приключенческом романе Рафаэля Гругмана «Завещание Мазепы, князя Священной Римской империи, открывшееся в Одессе праправнуку Бонапарта». Невероятная история начинается в 1996 году в Одессе со странного письма, оказавшегося завещанием гетмана Мазепы, полученном праправнуком Бонапарта, и продолжается в США...

Copyright © Гругман Р.А., 2018-2022

Содержание

Часть первая, северочерноморская

Письмо из прошлого

Женщины, казаки и последняя тайна французской империи

Заговорил праправнук Бонапарта

Пророчество женщины. Первые последствия публикации

Тайная дипломатия

Не так страшны враги, как друзья

Париж стоит мессы

Одесская арифметика

От Куяльницкого лимана к Миссурийской Сечи

Коли пани б'ються — у холопів чуби тріщать

«Товарищ Сталин, вы большой учёный»

Часть вторая, заокеанская, тихо-атлантическая

Наследники и бастарды

Ай лав Нью-Йорк!

Бруклинская аномалия

Гетмановская водка преследует Евгения Ривилис и наводит компаньонов на след

Тайна Миссурийской Сечи

Новая жизнь Екатерины Медичи

Линда Трипп, Моника Левински и Софья Ривилис

Казаки в армии северян

Цветок на жакете имеет уши

Гетман даёт новые указания

Елизавета Ивановна Врангель

Последнее слово гетмана

«Так і народ бойовий стародавній козацький, який раніше називався козарський, спершу був піднесений безсмертною славою, просторим володінням та лицарськими відвагами, якими не тільки довколишнім народам, а й самій Східній державі був страшний на морі й на землі, і то так далеко, що цісар східний, бажаючи його собі довічно примирити, з'єднавав подружнім союзом синові своєму каганову дочку, тобто, князя козарського».

Пилип Орлик, «Пакти і Конституція прав і вольностей Війська Запорозького»^[1]

Часть первая, северочерноморская

Письмо из прошлого

Початая бутылка водки, надёжно спрятанная в баре, по непонятным причинам стала опустошаться, и хотя первое апреля — день умопомрачительных розыгрышей и шуток, завершился неделю назад, мне было не до смеха с того самого дня, когда глазу открылось загадочное явление. Более месяца ни один человек — кроме меня, разумеется — не переступал порог квартиры, в которой происходили диковинные события, и при всём желании как можно скорее разыскать злоумышленника, причащающегося к злосчастной бутылке, списать преступление не на кого. Несмотря на семейные неприятности, начавшиеся после наступления Нового года, — предупреждаю бестактные вопросы любителей рыться в чужом белье: рана настолько свежа, что я не намерен откровенничать о превратностях личной жизни, — я держал себя в руках, не заглушал душевную боль рюмкой «Столичной», и не приглашал в квартиру гостей, способных скрасить унылые вечера.

Дабы удостовериться, что происходящее — не галлюцинация, верный признак начинающейся шизофрении, или слабое умопомешательство, случающееся на нервной почве в минуты душевного кризиса, я завязал на бутылке нитку и для верности отметил шариковой ручкой уровень жидкости.

На другой день — с негодованием отметил я — водочный уровень понизился на полсантиметра. Я вновь сделал метку и опустил нитку, туго завязав узелок. На следующий день, хотя я не прикасался к бутылке, водочный уровень снизился ещё на полсантиметра, а если учесть предыдущий, — на сантиметр. Некто, презрев дверные замки, пробрался в квартиру, открыл дверцу бара, и приложился к облюбованной им бутылке.

Проделав изящный трюк, — стопка «Столичной» — не более! — призрак ретировался. Другие напитки, не менее крепкие, находящиеся рядом и способные заинтересовать истинного ценителя крепкого алкоголя, остались нетронутыми. Даже пыль, осевшая на крышке, не была сдута — коньяки «Hennessy» и «Metaxa» не входили в круг интересов неустановленного злоумышленника.

Я тщательно осмотрел квартиру. Следов инопланетянина обнаружено не было. Шкатулка с драгоценностями Софьи, бывшей жены, — уточняя для излишне любопытных, снимая вопрос о семейном статусе Евгения Ривилис, — стоящая открытой на трюмо в спальне, незваного гостя не заинтересовала. Равно, как не возбудило в пришельце низменные чувства мужское портмоне из крокодиловой кожи, беспечно лежащее в верхнем ящике письменного стола с крупными денежными купюрами на всякий пожарный случай, и мелкими — для текущих нужд. Однако чтобы ни у кого не возникли сомнения в умении привидения беспрепятственно проникать сквозь стены, в течение трёх дней человек-невидимка демонстрировал полюбившийся ему трюк. Хотите — верьте, хотите — нет: фантазии Герберта Уэллса материализовались в самом неподходящем месте, в несчастной двухкомнатной «хрущёвке» на Чижикова, 70. Некто уверовал в своё могущество и дерзким безответственным поведением вознамерился вывести из душевного равновесия хозяина квартиры; во исполнение подлого умысла наглец не удосужился стереть метку и переместить нитку.

В качестве альтернативной версии я готов поверить в существование нечистой силы, ошибочно зашедшей не по тому адресу, или в изощённую месть афонских монахов за собственность, отобранную советской властью. Какая имеется в Одессе собственность у

монахов Афона? Самая что ни есть частная, до года девятьсот семнадцатого всеми приличными людьми уважаемая и государственными законами защищаемая. — Где ей по реестровым книгам в северочерноморской столице положено находиться? — Через дорогу от моего дома на чётной стороне улицы. В конце девятнадцатого века на Новорыбной — так при рождении называлась улица, на карте которой жовто-блакитным флагом отмечен мой дом, — монахи афонского Свято-Пантелеймонова монастыря основали приют для паломников, отправляющихся в Святую Землю, и выстроили величественный храм с пятью серебряными куполами и высокой шатровой колокольной. Городская дума в полном составе присутствовала на открытии храма и упоённая зрелищем, переименовала Новорыбную в Пантелеймоновскую. Когда грянула Первая мировая война, паломничество прекратилось, но афонское подворье не впало в спячку и провозгласило себя мужским Пантелеймоновским монастырём. Просуществовала монашеская обитель до прихода в Одессу диктатуры пролетариата. Она превратила в щебень Спасо-Преображенский кафедральный собор, но храм на Пантелеймоновской уцелел, пережил войну, при румынской оккупации вторично был освящён и летом сорок пятого принял в своих стенах духовную семинарию. Кому и зачем тогда мстить?

Резонный вопрос оживил водочную бутылку, скучавшую без дела. Она подпрыгнула и прыснула со смеху. — Осторожно! Разобьёшься! — заорал я не своим голосом.

— Кока-колу пей, — рывкнула «Столичная» да так резко, что испугавшись, я чуть не подпрыгнул вслед за бутылкой. Нет, уж точно, сегодня кому-то пора к психиатру!

«А кому-то встать под холодный душ и глянуть на себя в зеркало», — визгливо прозвучало в левом ухе. Я прочистил его указательным пальцем, изгоняя нечистую силу, но проскользнув в едва заметную щель, демоны зашли с другой стороны, вцепились в мочку правого уха, с силой приподняли оставшуюся часть тела и приволокли в прихожую к зеркалу. Указав на зеркальное отражение Евгения Ривилис, демоны грозно потребовали: «Поговори с умным «человеком».

Зеркальный оппонент почему-то был в клетчатом костюме и в ярком галстуке. Увидев перед собой обмякшее тело в мятой фланелевой рубашке, он поощрительно улыбнулся: «Евгений, ты всерьёз считаешь, что бывшие частные собственники переполнены жаждой мщения? — Это ты мне? — расправляя плечи, осведомился Евгений, не разумея, каким образом на нём оказался пиджак. — К кому же ещё? — лукаво отвечал зеркальный Евгений, — оглянись, мы в гордом одиночестве. В квартире никого больше нет. Поговорим по душам? — Попробуем. — Ну, так слушай. После полёта Гагарина оруэлловское государство экспроприировало афонские подворья; как казалось узурпаторам, реквизирировало навечно. В одну ночь семинаристов вывезли за город, с куполов собора сняли золотые кресты, а наутро в опустевший кабинет ректора семинарии по-хозяйски вошли давно немытые галоши директора планетария. — Было такое, — подтвердил Евгений, вернувший себе уверенность. — Не перебивай! — осерчал зеркальный учитель нравов, — в детстве мама не учила тебя прерывать людей в галстуке! — Простите. — Ладно. Слушай и запоминай. С приходом галош на третьем этаже храма, в дни праздников принимавшем для богослужения две тысячи верующих, заработал кинолекторий общества «Знание». Его в «перестроечные времена» директор планетария сдал в аренду кооператорам. С наступлением темноты в

афонском подворье закрутились эротические кинофильмы. Кощунство и богохульство переполнили чашу терпения служителей христовой веры. Что скажешь на это, учёный представитель атеистического поколения?»

На провокационный вопрос Евгений Ривилис не стал отвечать и показал зеркалу спину. Даже если прав тот, кто, надев модный костюм, в обличье Евгения проповедовал в зеркале, то, причём здесь он, настоящий Евгений Ривилис, лишь единожды согрешивший, поддавшись искушению ярко разукрашенной афиши фривольного содержания, и в битком набитом зале кинолектория с затаенным дыханием следивший за приключениями «Греческой смоковницы». Нет, всё не так просто и легко объяснимо!

Я повторил операцию, нарисовал новую метку, опустил нитку и, дабы бутылка постоянно была перед моими глазами, поставил её на журнальный столик.

Последующий день я пристально присматривал за бутылкой. Водка оставалась нетронутой. «Нет посуды», — злорадно ухмыльнулся Евгений, радуясь в душе, что бесы набросились на директора планетария, вытащил из бара рюмку, салютовал зеркальному оппоненту и поставил её возле бутылки, приложив к ней записку с адресом собора. Весь вечер, хотя я ненадолго отлучался, к бутылке никто не притрагивался, и я искренне уверовал, что нечистая сила отправилась гулять по указанному в записке адресу.

Ближе к полуночи я лёг в постель, оставив не выключенным ночник, и прикрыв левый глаз, в правом оставил для наблюдений маленькую щёлку.

В полночь бутылка медленно накренилась, наполнила рюмку и... выпила её.

Я мгновенно сбросил простыню и ринулся к бутылке: водочный уровень понизился на полсантиметра.

— Сволочь! Так это ты пьёшь мою водку! — вскипел я и, схватив поллитровку за горлышко, распахнул окно, широко размахнулся, намереваясь выбросить на улицу...

«Стой! — ужасная мысль схватила руку и удержала её на взмахе, — если водка перелилась из бутылки в рюмку, а затем проделала обратный путь, то уровень жидкости должен остаться на месте...»

Я осторожно опустил руку и, вглядываясь на просвет, убедился в отсутствие большого воображения — жидкость в бутылке опустилась на сантиметр ниже ранее проведенной метки. Чудес не бывает! Я внимательно осмотрел стол и для верности понюхал скатерть — ни одной капли драгоценного напитка пролито не было.

Что же это такое! Я поставил бутылку на стол и в изнеможении сел в кресло.

— За что? — вслух прозвучавший плаксивый голос был как будто не мой, но бутылка виновато повернулась и вместо привычных слов «Русская водка» на этикетке отчётливо выступило: «Українська горілка».

— С перцем... — вырвался из горла стон.

— И со шматком сала, — насмешливо вмешался ехидный Голос.

Я быстро обернулся на звук — в комнате никого не было — однако просьба была уважена: на донышке появился малюсенький перчик, а этикетки на бутылке замелькали с калейдоскопической быстротой: «Перцовка», «Пшеничная», «Винницкая особая», остановившись, на заманчивом — «Українська горілка з перцем».

Вслед за этим включился телевизор, спел «Ще не вмерла Україна», пропищал три раза: «Не забудьте вимкнути приймач», после чего сам и выключился.

Пока при пении национального гимна, поднятый кем-то за ухо, я стоял по стойке «смирно», скатерть на столе

стала линять, превратившись, через минуту в пожелтевшую карту, на которой под надписью «Золото Січі заховано тут», стояла витиеватая подпись «гетьман Війська Запорозького обох берегів Дніпра, князь Священної Римської імперії Іван Мазепа»^[2].

— Почему мне? — поразился я, зная неприязненное отношение к моим соплеменникам соратников Тараса Бульбы и заглянул, на всякий случай, в штаны. Убедившись, что, несмотря на происходящие чудеса, связь с Всевышним осталась при мне, облегчённо вздохнул, но всё остальное... Бутылка горилки и карта также оставались на столе, подтверждая реальность происходящего.

В дверь постучали. Я вздрогнул, посмотрел на часы, механически отметив, «четверть первого», и продолжил изучение карты.

Стук повторился. На цыпочках, чтобы ненароком скрипом половиц не выдать себя, я подошёл к двери и, посмотрев в глазок, увидел высокого худого мужчину с яйцевидным лицом, длинноносого, лет сорока — глубокая залысина, уходящая за макушку, скрывала истинный возраст.

— Вам кого? — нервно спросил я.

— Евгений Абрамович Ривилис здесь живёт?

— Да. А что вам надо?

— Вам письмо.

— Зайдите завтра.

— Завтра уже наступило, — бодро произнёс незнакомец. — А письмо лежит на балконе. Прочтите и откройте дверь.

Всезнающий гость оказался прав. На балконе лежал аккуратно сложенный плотный свёрток, неизвестно как там оказавшийся, крест-накрест перевязанный жгутовым канатом и по размеру похожий на почтовую бандероль. Адреса получателя или отправителя не

указаны. Зато, как положено при почтовой пересылке, на лицевой стороне наклеены погашенные почтовые марки, а концы каната скреплены сургучной печатью, датированной *8 квітня 1996 року*.

«Как он попал на балкон? Почему бандероль безадресная?» — эти вопросы пронеслись вихрем, не насторожив, и не напугав, ведь при иных обстоятельствах поутру я вернул бы пакет на почту, и задал почтовому служащему те же вопросы, но в заколдованную ночь, все поступки, как в пьяном бреду, — нелогичные и безрассудные. Разглядывая пакет, я зашёл на кухню, ножницами разрезал канат, и, развернув свёрток, обнаружил деревянную шкатулку, ничем не примечательную, которую прежде, окажись она случайно в моих руках, безжалостно выбросил в урну.

— Ну, что?! — нетерпеливо прокричал незнакомец и постучал в дверь. — Получили письмо?! Евгений! Вы меня слышите?! Письмо получили?!

Я проигнорировал вопль и раскрыл шкатулку, обнаружив внутри коротенькое послание. Чернила выцвели, некоторые буквы были едва различимы, но всё-таки я сумел прочесть его.

Шановний пане!

Через зраду Богдана Хмельницького, який підняв Січ проти Речі Посполитої і уклав союз з кримським ханом і московським царем почалася Тринадцятирічна російсько-польська війна, в результаті якої за умовами Андрусівського мирного договору під владу Московської держави перейшла Лівобережна Україна, Сіверська земля з Черніговом і Стародубом, і також Смоленськ, а Запорізька Січ мала перебувати під спільною владою обох держав.

Я все робив, щоб на карті Європи знову з'явилася українська козацька держава. Але зараз, відчуваючи кінець потугам нашим здобути незалежність, я почув

Голос: тільки тоді, коли ми дамо усім народам, які живуть на землі нашій, рівні з козаками права, тільки тоді Україна знову стане вільною і процвітаючою державою.

Мапа, де заховані скарби Січі, відкриється тільки прямому нащадку стародавніх козар. Частину візьмуть на пам'ятники загиблим у всіх містечках, де шельмувало військо Богдана Хмельницького, частину — на спорудження Храму Усіх Народів, решту — поділіть між усіма вільними хліборобами.

Прийміть наше щире пробачення. Дай вам Боже щастя.

Гетьман Війська Запорозького обох берегів Дніпра, князь Священної Римської імперії, Іван Мазепа [\[3\]](#).

— Евгений, вы прочитали письмо?! — после небольшой передышки прокричал ясновидец.

— Нет! — гаркнул я. — Подожди!

«Странное письмо, какая-то карта... Что это? — лихорадочно размышлял «счастливый» избранник гетмана. — Визуальный трюк шарлатана, требующего открыть дверь? Но письмо в моей руке, — материализованная реальность. Его можно сжечь, разорвать на мелкие кусочки. Только зачем? Я и Мазепа? Что между нами общего? Чужь собачья! Кто этот аферист, явившийся в полночь, в нарушение всех правил приличий? Не он ли подбросил пакет? Конечно, он... А бутылка, сама себя выпивающая? Как это объяснить? Телекинез? Мошенник ею руководит, используя психическую энергию? А, может, я загипнотизирован, и чистый лист бумаги кажется мне письмом двухвековой давности, а голос, который я слышу, звучит лишь в моём воображении. А на самом деле, за дверью никого нет».

Противоречивые чувства раздирали меня, версии сменяли одна другую, спорили меж собой, ни на одной

разум не останавливался — я стоял как вкопанный, держа в руке письмо, не зная, что с ним делать.

— Евгений! — назойливо напоминал о себе голос за дверью.

Новая догадка, показавшаяся достоверной, обожгла мозг: «Послание гетмана ошиблось адресом, сбитое с толку переименованием улиц и отсутствием золотых крестов, служащих ориентиром, и вместо Пантелеймоновского подворья, ныне не существующего, по недоразумению попало на мой балкон».

Если это так... Я подошёл к столу и, всматриваясь в очертания скатерти-карты, пытался разглядеть хоть какое-либо название, за которое можно ухватиться и начать раскручивать ниточку, — подсказки не было. Не карта, а «китайская грамота». Ни одного географического наименования, позволяющего указать месторасположение.

Да и карта ли это! Именовать «планом», указывающим место захоронения клада, бледно-жёлтую скатерть с нечётко проступившим рисунком, равнозначно тому, что в небрежном карандашном рисунке склонной к полноте ученицы хореографического училища разглядеть будущую прима-балерину Большого театра. Ну да! Только поистине богатое воображение способно распознать в криволинейной линии, пересекающей по диагонали скатерть, — полноводную реку, петляющую с юга на северо-восток, и воспринять за речные притоки небрежные, еле заметные чёрточки, воткнутые в «реку», как ножи в дерево.

— Бессмысленная трата времени, — пробормотал я. — Не карта, а абстрактное искусство к чертям собачьим!

Инопланетянин, скребущийся за дверью, и подающий время от времени голос с просьбой впустить его,

сквернословий в адрес невинных животных не слышал, и настойчиво долбил одно и то же:

— Евгений, не бойтесь, откройте дверь. Я вам всё объясню.

Галлюцинациями, гипнозом, торжеством белой или чёрной магии — не пахло. Я медлил и не спешил открывать дверь, помня о проходимцах, с наступлением весны появлявшихся в нашем дворе с душесципательными историями, достойными плутоватых героев «Золотого телёнка», преследовавших благородную цель — честно изъять у доверчивых граждан некоторое количество припрятанных про запас денежных знаков.

Предосторожность не входит в список инстинктов, передаваемых по наследству. Скатерть-карта и письмо из прошлого лежали на столе, подтверждая реальность происходящего. Раздираемый сомнениями, я растерялся; настойчивый незнакомец не терял время даром и настырно подталкивал к опрометчивым действиям.

— Евгений, вы меня слышите? — напористо вопрошал он и теребил ручку входной двери.

«Позвонить в милицию? Идея хорошая. Не мешало бы проверить, есть ли у ночного визитёра криминальное прошлое». — Продолжая рассматривать карту, я поднял телефонную трубку, прокрутил диск на цифре «ноль», перевёл палец на указатель «два» — и застыл. Возле одного из речных «притоков» глаз зацепился за не приметную стрелку, указывающую на возвышенность. На холме или у его основания — изображены три дерева. Одно — перечёркнуто крест-накрест, и сбоку еле заметно проглядывает наискосок написанное слово. Увеличительное стекло для разглядывания мелких деталей коллекционных почтовых марок, весьма кстати лежало на столе. «Росча» прочитал я. Стало быть, «роща». Параллели и меридианы — координаты любой,

грамотно составленной карты, отсутствовали. Зато появилась первая, пока ещё ничего не означающая примета. Осталось выяснить географические координаты роши, вооружиться лопатой и ломом, а ещё лучше экскаватором...

Незнакомец ёрзал за дверью, и настойчиво переспрашивал: «Евгений, ну, как? Прочли письмо? Впустите меня, я вам всё объясню».

Всё-таки позвонить в милицию? Допустим, я дозвонюсь. И что сказать оператору? Как объяснить диковинные превращения скатерти и появление странного письма от давно умершего гетмана? Дежурный офицер, которому я расскажу о письме, неизвестно когда отправленном и вероятнее всего адресованном настоятелю Пантелеймоновского подворья, совершенно справедливо сочтёт меня ненормальным и вызовет «скорую помощь». Путешествие во времени — это у доктора Булгакова в «Мастере и Маргарите». Я положил трубку, грустно признав, что служителями правопорядка неправильно буду понят...

Незванный гость, пока я терзался в раздумьях, нетерпеливо дёргал дверную ручку и, как заклинание, бубнил:

— Евгений Абрамович, я к вам по поводу письма на балконе. Вы уже прочли его?

Я подошёл к двери и вновь посмотрел в глазок, отметив детали туалета, на которые прежде не обратил внимания: серый мятый пиджак и нечищенные туфли. Внешний вид незнакомца не вызывал к нему никакого доверия.

— Кто вы такой? — прокричал я.

— Это удивительная история! — радостно завопил пришелец. — Меня привела к вам бутылка водки, стоящая на прикроватной тумбочке.

«Надо его остерегаться. Он владеет секретами чёрной магии», — страшная мысль пронзила мозг, едва ясновидец напомнил о чудесах, производимых волшебной бутылкой и точно указал её нынешнее месторасположение.

— Евгений Абрамович, не бойтесь, — читая через дверь мысли, успокаивал мошенник, — откройте дверь, я за одну минуту вам всё объясню.

Нельзя заговаривать с инопланетянами, чтобы не оказаться жертвой магии или ворожбы, но нескольких слов, сказанных провидцем, осведомлённым о чудесах, происходящих в квартире, оказалось достаточно, чтобы наперекор логике и благоразумию, я накинул цепочку и приоткрыл дверь. Хитрец заглянул в щёлочку и весело закричал: «Наконец-то! Я замучился ждать вас!»

— Может, сперва представитесь? — холодно спросил я, удерживая себя от неразумных поступков. — Так вообще-то принято у культурных людей.

— Ах да, виноват! — воскликнул пришелец, с досадой схватившись за голову, и назвался. — Григорий Дорошенко. — Он просунул в образовавшуюся щель несколько длинных и тонких пальцев и вторично отрекомендовался. — Потомок гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко.

— Что вам угодно?

— Давайте, поговорим в комнате, — вкрадчивым голосом попросил гость. — В письме всё сказано. Согласитесь, тема серьёзная, объясняться через порог неудобно.

— Завтра приходите, в дневное время поговорим.

— Я понимаю, вас смущает позднее время, но согласитесь, не каждый день на вашем столе оказывается карта, собственноручно подписанная гетманом.

«Он и об этом знает!» — удивился я и, подавшись уговорам, снял цепочку и приоткрыл дверь.

— Можно войти? — вежливо спросил Дорошенко.

— Входите.

Потомок правобережного гетмана смело вошёл в комнату. В левой руке он держал потрескавшийся светло-коричневый кожаный портфель, который я не разглядел, когда всматривался в глазок. Он поставил его на пол, прямо у входной двери и, не разъясняя причину своего появления, устремился к столу. Издав дикий вопль, напомнивший победный клич диких племён, живущих в южноафриканских джунглях, Дорошенко вцепился глазами в карту. Я терпеливо ждал, когда ночной гость соблаговолит прояснить ситуацию. Игнорируя хозяина квартиры, свидания с которым он добивался, потомок беззвучно шевелил губами и водил пальцем по руслу реки. Грязь, скопившаяся под ногтями, усилила чувство неприязни, к нему возникшее.

Я совсем растерялся — с его появлением, загадка не только не прояснилась, но ещё больше запуталась. Пришелец продолжал изучать карту, и не спешил объяснить мотивы своего поведения. Однако молчание затянулось — потомок правобережного гетмана держался нагло и самоуверенно. Он не отреагировал на предложение перерисовать план, и, отодвинув подсунутую бумагу и карандаш, вглядывался в карту, не замечая владельца квартиры.

В собственных апартаментах чувствовать себя пустым местом?

— Карта устарела, — громко произнёс я, привлекая внимание гостя. — Прошли столетия, три дерева превратились в непроходимый лес. Или, наоборот, — ёрничал я, желая досадить потомку, — местные жители распилили их на дрова, и на освободившейся территории выстроили Останкинскую телебашню.

Не поднимая голову, Гриша пробурчал под нос нечто невразумительное и пожал плечами.

«Вежливый парень», с неприязнью подумал я. «Свалился, как снег на голову, и ведёт себя так, как будто квартира со всем её содержимым, принадлежит ему на правах личной собственности. Пора приводить наглеца в чувство и выпроваживать на улицу. Наверняка, никакой он не потомок, а внук одного из тридцати сыновей лейтенанта Шмидта».

— Аллоу!

Как в пропасть кануло — Гриша и бровью не повёл.

«Хотя бы из вежливости отреагировал!» рассердился я. «Стукнуть по голове, чтобы привести в чувство?»

Почуяв неладное, гость пробурчал молитву, из которой удалось разобрать лишь одно слово: «жиемо».

«Приступаем ко второй попытке оживления трупа», со злостью подумал я. «Следующей не будет. Если мошенник не откроет рот, пристрелю из рогатки». — Я накрыл скатерть газетой, лишая «потомка» возможности изучать карту, и неприязненно заявил: «Хватит смотреть абракадабру. На карте нет главного. Все географические ориентиры: река, холм, роща — как видите, без названия. С равным успехом клад можно искать и на Днепре, и на Буге...»

— И на Припяти, и на Днестре, — очнулся Григорий и, не поворачивая головы, пояснил. — Гетман сознательно засекретил план, опасаясь, что клад попадёт в поганые руки. Ворожка окутала наследие гетмана тайными чарами и так заколдовала его, что клад сам выберет человека, которому он откроется. — Григорий лениво повернул ко мне голову и добродушно осклабился: «Мазепу избрали объединённым гетманом в 1704 году. До этого он был гетманом Левобережной Украины, а мой предок с 1665 года одиннадцать лет был правобережным гетманом. Он умер в 1698 году, и, кстати, Наталья Гончарова, жена Александра Пушкина, приходится ему праправнучкой. Но это так, к слову сказать. По материнской линии у детей Пушкина

казацкие корни. А если говорить по делу, то Мазепа скончался через три месяца после Полтавской битвы. А на седьмой день старший сын Петра Дорошенко получил видение от духа умершего гетмана».

— Что угодно почудится на хмельную голову.

— И то правда. Но здесь иной случай.

— Почему же? — насторожился я.

— Видение гласит, что через фляжку гетмана Дорошенко ему или его потомкам раскроется тайна захоронения военной казны Запорожского войска. С тех пор из поколения в поколение вместе с фляжкой это предание передавалось в нашей семье.

— Когда же тайна раскроется?

— Кабы я знал. По преданию, в час Икс, фляжка станет наполняться рюмкой водки, а поскольку ничто не возникает и не исчезает бесследно, она будет переливаться из бутылки человека, выбранного для оглашения завещание Мазепы и раскрытия места захоронения клада. Вот то, что я знаю. За двести восемьдесят семь лет, прошедших после смерти Мазепы, ничто не происходило. А когда вдруг фляжка забулькала, мне оставалось только выпивать водку. Затем в моём сознании появился ваш адрес. Вот я и приехал...

— Откуда? — перебил я.

— Из Полтавы.

— А дальше? Что из того, что на столе лежит карта, которой нельзя воспользоваться?

— Ждите, — пожал плечами Гриша. — Днями прояснится. — С этими словами он поставил на стол пустую фляжку.

Моя бутылка тут же проделала известную процедуру, Гришина фляжка наполнилась ещё одной рюмкой, которую он, виновато на меня посмотрев, залпом выпил.

— Ну, как? Есть что-нибудь новенькое? — ошарашенный чудесами, спросил я, внимательно

наблюдая за Гришей, и начиная верить ему. — Дать чего-нибудь закусить?

— Пока ничего, — неожиданно смутился Гриша и извиняющимся голосом попросил. — А от бутерброда я бы не отказался.

— Да, да, конечно. — Я рванул на кухню, на скорую руку соорудил хлеб с остатками «докторской» колбасы, поверх положил срез луковицы, капнул кетчуп и вернулся в комнату, неся на блюде произведение кулинарного искусства.

Гриша, пока я был на кухне, отложил в сторону газету и перерисовывал карту. Не отвлекаясь от «государственных дел», он в три приёма проглотил бутерброд, благодарно улыбнулся и попросил повторить. Пришлось его огорчить:

— Ты съел последний кусок хлеба. Могу предложить чай.

— Спасибо, попозже, — поблагодарил Гриша и продолжил работу. Завершив деяние государственной важности, он слегка витиевато заговорил:

— Я с вашего позволения, — он запнулся, — но если вы возражаете по причине неприятия идеи незалежности... — в ожидании ответа Гриша пытливо сверлил меня взглядом.

Опровергая внезапно возникшее подозрение в крамоле, я пылко воскликнул:

— Как любой гражданин Украины, родившийся здесь и выросший после провозглашения Верховной Радой «Акта независимости Украины», подтверждённого первого декабря всеукраинским референдумом, я полностью...

Гришино лицо просветлело. Распахнув объятия и не позволив завершить фразу, он радостно огласил новую просьбу: «Тогда я немного у вас поживу».

Инстинктивно я резко выставил ладонь, предостерегая гостя от чрезмерного проявления чувств,

и подтверждая патриотичность, согласился взять на постой с оговоркой: «разве что, ненадолго», — затем, осознав оплошность, принялся лихорадочно искать повод, ограничивающий гостеприимство разумными сроками: «у меня э-э...», — я запнулся, подыскивая нужные слова, — «имеются личные планы... женщины».

Радостными ужимками Гриша изобразил на лице ответ: «Что за вопрос?» — и, чтобы не возникло сомнений в его порядочности, приложил обе руки к груди и, расплывшись в улыбке, сладко пропел: «Мы же джентльмены. Как-нибудь уживёмся».

— Ты меня не так понял. Никаких «уживёмся».

Гриша посерьёзnel и клятвенно положил руку на сердце.

— Не волнуйся, в плане женщин я не побеспокою. Перед появлением дамы моментально ретируюсь.

Возражения замерли на губах. Считая вопрос решённым, Гриша воспрянул духом и деловито поинтересовался:

— Час-два на всё про всё, вам ведь хватит? Что долго церемониться? Вытащил саблю из ножен, погарцевал, азартно помахал ею, а затем аккуратненько протёр и вложил в ножны. Всего-то. Кому-то и пяти минут достаточно на все подвиги.

Я тяжело вздохнул, осознав, что так быстро от него не отделаюсь.

— Неделя. Максимум, — исправляя промашку, скрепя сердцем, оговорил я срок Гришиного пребывания, и безоговорочно добавил. — Опосля, извините.

— Спасибо! — Гриша оживился. — Я знал, вы человек благородный! — Он прищурил глаза и стал что-то подсчитывать, сгибая пальцы рук, и беззвучно шевеля губами.

Я внимательно следил за его лицом. Морщины — следствие глубинных мыслительных процессов, происходящих в его мозгу, — плавно скользили по лбу.

Волны перемещались к губам, вызывая непроизвольное дёрганье щёк. Я терпеливо ждал. Наконец, подсчёты закончились. На лбу установился штиль, и Гриша объявил результат:

— Считай, договорились. Думаю, за неделю справлюсь.

Гриша помялся, вытащил из внутреннего кармана пиджака целлофановый кулёк, оттуда — газетный свёрток, развернул его, продемонстрировав стопку новеньких стокупонных банкнот в банковской упаковке, разорвал ленту, отсчитал пять купюр и решительно протянул руку.

— Купите на благое дело перцовку. Потребуется для работы, — и, смутившись наглой просьбе, — прежде, казалось, ему неведомо чувство стыда, — извинительным тоном сказал: — Вы лучше меня знаете, где в ваших краях она продаётся.

— Гриша, но почему всё-таки «я»? Согласись, в этом какая-то есть нелепица, нонсенс.

— Понятия не имею, — хмыкнул Гриша. — Дело хитрое, справа тонкая. Рядом с твоим домом находилось афонское подворье, принимавшее паломников, отправляющихся на пароходах в Святую Землю. Подворье стояло на катакомбах. Там воинские старшины могли припрятать казну для отправки за море для устройства новой Сечи. Тело тленно, дух вечен. Направился дух гетмана к подворью, а его советская власть ликвидировала. Вот он и сбился с пути. Это я так миркую сейчас, — рассудительно предположил Гриша. В его речь вплетались слова на украинском языке, и это легко воспринималось в Одессе, где прежде идиш изящно вплетался в украинский, русский, французский, создавая пёструю косичку, яркий живой язык, называемый суржилом, пока не придумали ему имя, *одесский*. — Посмотрим, что дальше будет, — философствовал Гриша, — какое

направление выберет дух Мазепы, покрутившись вокруг да около несуществующего Пантелеймоновского подворья.

...Легко сидеть в тёплой квартире — «у английских каминов» — с бокалом шотландского виски, и как доктор Ватсон, в непринуждённой обстановке советовать Шерлоку Холмсу, как ему действовать при тех или иных обстоятельствах. Времена изменились — решение следует принимать быстро и, главное, безошибочно. Слишком правдиво и убедительно жулик объяснил невообразимые чудеса, связал их с утерянным кладом и поведал о воскресшем духе давно умершего гетмана. Но ведь не в цирке, и не в иллюзионе, а в моей собственной квартире, на моих глазах, бутылка самостоятельно наливала и выпивала водку, и скатерть превращалась в карту.

Пока я предавался раздумьям, оправдывая своё легкомысленное согласие предоставить гостю крышу над головой, его глаза от изумления полезли на лоб. Зажав левой ладонью рот, указательным пальцем правой руки он настойчиво указывал на стену, чуть ли не подпрыгивая на месте, и надрывал грудь «смотри, смотри!» Я послушно перевёл взгляд. В настенном календаре вместо жизнерадостной репродукции Клода Моне «Пруд с водяными лилиями» появилась картина, изображающая Петра Первого на поле Полтавской битвы. Как замороженный, я всматривался в несусветное чудо, поначалу, как зритель, увлечённо наблюдающий цирковое шоу, пока конь Петра Первого, принявшийся вдруг мочиться прямо на поле битвы, не отрезвил компаньонов, заставив испуганно отскочить к противоположной стене. Мерзкий фонтан мощной дугой струился со стены на пол. Брызги разлетались во все стороны. Отвратно пахнущее вещественное доказательство стремительно растекалось по полу, убеждая маловеров в реальность происходящего: это не

галюники, не мираж, и не *брюссельский писающий мальчик*, в праздничные дни заливающий гуляющую публику вином или пивом, а оживший конь царя-завоевателя, пометивший мочой Балтийское, Азовское и Каспийское море, и назло врагам и недоброжелателям Царя Всея Руси, добравшийся до моря Чёрного, до турецкой крепости Хаджибей! А коль крепости басурманской давно уже нет, то куда царскому коню на чужбине податься? На Пантелеймоновское подворье! А коль нет и подворья... Страшно подумать... Неужто ко мне?

Позднее я пытался сам себе объяснить: почему, будучи по природе скептиком, подался Гришиным байкам и согласился выполнить его просьбу. Начитался статей о пришельцах с других Галактик, летающих тарелках и контактах с иными мирами? Или тому виной подслушанный разговор двух солидных мужчин о реинкарнации и переселении душ, заставивший уверовать в бессмертие духа гетмана? Астрологи и составители гороскопов утверждают, что Весы до безумия любопытны. Это не так, — Весы подозрительны и полны скептицизма, но за неимением иного пояснения, только любознательностью можно объяснить то, что я пренебрёг присущей Весам осторожностью, и на следующий день выполнил Гришину просьбу, позволив ему проделывать невиданные досель чудеса.

...На пятые сутки, выпив литровую бутылку, Гриша прочёл выступившие на карте буквы: «Миссури».

В ожидании вердикта, я настороженно глядел на него. Гриша тяжело вздохнул — расшифровка далась ему нелегко — и, медленно выговаривая слова, озвучил значение, поданного сигнала.

— Евгений... тебе надо ехать... Я так и знал, а теперь получил точное подтверждение: клад в Америке... на реке Миссури...

— Чего вдруг? Мне и здесь хорошо, — решительно отказался я. — Тебе больно надо — ты и езжай.

— Женя, — взмолился он, сложив для убедительности ладони, и вознес глаза к потолку. — Надо. Это твоя судьба. Не будет нам прощения, пока не выполним мы завещание гетмана и не поставим памятник всем жертвам Богдана Хмельницкого.

— А ты?! Чего ты не едешь?!

Гриша опустил руки и сухо проинформировал.

— Меня не пропустят иммиграционные службы. В Америке нет прямых родственников.

— Да и у меня никого там нет, — разочаровал я Гришу. Но, увидев, как у него задрожали веки, поторопился утешить. — Кроме тёти... Но это родство не считается.

Гриша заплакал.

— Из-за такой мелочи не сбудется завещание гетмана...

— Гриня, — положил я ему на плечо руку, тронутый его искренностью, — дело твоё — святое. Я согласен. Но нужен третий.

— Ты это о ком? — насторожился Гриня.

— Нужна женщина. Незамужняя. Едущая на ПМЖ. Во-первых, это самый быстрый способ попадания в Штаты, а во-вторых, — многозначительно поднял я указательный палец, — кто будет копать яму?

— Ты прав, — возликовал Гриня, — я лично займусь поиском для тебя невесты.

— Двух, — уточнил я, и чтобы не возникло сомнений в предназначении второй невесты, указал пальцем на Гришу.

И прежде чем ударить по рукам и заснуть счастливым сном, компаньоны провозгласили тост за мудрого гетмана, закопавшего клад в низовьях Миссури.

Дело его было в надёжных руках.